№ 4

4-й ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы, 5-49-78. 1926 ГОД

БЕСПРИЗОРНАЯ МОСКВА

Рис. Л. Бродаты

С московских Красных Ворот *украдены* огромные декоративные фигуры.



— Чего это купола на церкви нету? Ремонт что-ли?
— Не-е, просто спер кто-нибудь.

ПАМЯТНИК

На Волховстрое заканчивается монтаж турбин. Все работы ведутся с расчетом дать ток с Волховстроя 1-мая.

Когда пройдешь у парапета
В туманных сумерках зари,
Остановись и посмотри
На изваянье Фальконета.

Коня увенчанный седок
Тисками ног с гранита вздыбил,
И на Неву по скользкой глыбе
Направлен гибельный прыжок.

Вот—миг—и прянет с пьедестала
Полураздавленный удав,
Коня и всадника сковав,
Вонзая бронзовое жало.

Неудержим экстаз полета.
Рука протянута к Неве.
А на державной голове
Следы вороньего помета.

И двести лет ночами бьют
Куранты в крепостном соборе.
И волны северного моря
На дымный город восстают.

О, ваятель! В краю суровом
Не угадав грядущих сил,—
К кой же символ воплотил
Ты в медном образе Петровом?

От заграждений Волховстроя
Ползут стальные провода,
Чтоб развенчать в стране труда
Самодержавного героя.

И, восходя на твердый мол,
Узнает всякий невский житель,
Что новый труженик-строитель
Стихию жизни поборол.

Дмитрий Цензор

УПРОЩЕНИЕ АППАРАТА

В Старо-Лосовском сельсовете, Плавского уезда организовано 6 комиссий. В эти комиссии, кроме 24 членов Совета, входит 60 представителей деревень Если прибавить сюда 10 исполнителей, то на 420 крест. дворов приходится 94 представителя власти.

Знахарь Лексеич, лечивший мерина от „переверта в кишках" мыльным камнем, толченым кирпичем и наговорной водой, обчистил веником валенки, смущенно поскреб в затылке и вошел в избу.

Авдотья стояла у печки и возилась с чугунами.

— Готово дело! — сказал Лексеич и медленно опустился на скамейку.

Авдотья бросила ухват, всплеснула руками и радостно ахнула:

— Неужто встал?!..

— Кой чорт, встал,—сказал Лексеич, доставая кисет,—подох. Абсолютно подох.

Авдотья подняла ухват и завыла в голос:

— И на кого ты споки-и-и-нул... Кормилец ты наш...

Лексеич свернул „собачью ножку," насыпал в нее с ладони махорки и тяжело вздохнул.

— Со сглазу это. Не иначе. И вода не помогла, язви те...

Авдотья завыла пуще прежнего.

Лексеич встал и, внимательно осмотрев шапку-треух, молча пошел к дверям. Авдотья выскочила на двор.

Мерин лежал на боку, выпятив чудовищно вздувшийся живот и оскалив длинные желтые зубы. Около мерина сидел на корточках восьмилетний Авдотьин сын, Кирюшка, и дергал из хвоста волосы на кнут.

— Чует дите-то, — сквозь слезы сказала Авдотья, давая Кирюшке увесистый подзатыльник, — остались мы, как есть, без кормильца...

В комнату заглянул исполнитель.

— Сдох?—спросил он, входя во двор и обходя кругом мерина.

Авдотья шмыгнула носом.

— Скверно дело, — сказал исполнитель,—без лошади пропащее дело. Освежевать его надоть. Шкура там, копыта. Клей с их, говорят, делают. Деньги получишь.

— Какие уж деньги, — сказала Авдотья, — за шкуру нешто...

— За шкуру само собой, — вздохнул исполнитель. — Только свежевать-то погоди малость: разрешение требовается.

— Чево?

— Разрешение, грю, требовается. От санитарной комиссии Антон Макаров в комиссии председатель-то. Сходи к ему.

Авдотья вытерла слезы, накинула на плечи кацавейку и побежала к Антон-Макарычу. Тот сидел дома и чинил шлею.

Рис. К. Рудакова.

С-НЕЖНАЯ БАБА



Единственная баба, которая не приведет ни одного кассира к растрате.

— Плохо дело,—сказал Антон Макаров, откладывая в сторону шлею,—плохо. Свежуй: препятствий не имею. Только разрешение требовается. Сходи к Пал-Михалову.

— А Пал-Михалов-то к чему?

— Как к чему? У них своя комиссия: финанцо - налоговая. Мерин-то, вед, один у тебя был?

— Один, — заплакала Авдотья.

— То-то оно и есть. Выходит, ты теперь безлошадная. Теперь налог-то тебе скостить должны.

Авдотья поблагодарила Антон-Макарова и пошла к Пал-Михалову.

— Ладно, — сказал Пал-Михалов, что-то отметив в трепаной синей тетрадке. — Вывозить-то будешь?

— А как же, родимый. Не век же ему, дохлому, во дворе лежать.

— Тогда свежевать-то погоди малость. Разрешение требовается.

У Авдотьи подкосились ноги.

— Требовается, — подтвердил Пал - Михалов. — Вывозить - то куды будешь?

— В Заячий лог, в овраг.

— То-то, что в Заячий. Все село провоняете. Это, брат Авдотья, не кошка там аль собака... Иди-ка ты к Авдей-Сергеичу. Он у нас по благоустройству председатель. Живо твому мерину место обозначит.

Авдей-Сергеича не было дома. Авдотью принял секретарь комиссии, Потапкин.

— В Заячий лог можно, — сказал он, выслушав Авдотью,— только разрешенье требуется. Без земельной комиссии никак невозможно. Може, они землю-то эту берегут для чего...

— Овраг-то?!..

— Ну, дак что ж? Мы в ихнее дело не мешаемся... Иди ты к Лексей-Потапычу: он те все объяснит.

Лексей-Потапыч покачал головой.

— Дурак твой Потапкин,—сказал он,—эка дискуссию развел: овраг!.. Вали, Авдотья. Вези. Только... Ты у Иван-Семеныча была?

— У какого Иван-Семеныча?

— А у председателя культурной комиссии. Обязательно зайди. Мерина-то кто лечил?

— Знахарь Лексеич.

— Ну, вот. Невежество ваше сплошное, бабское. Обязательно зайди. Може, он твово мерина с виртинаром осмотрит и некультурную лекцию для мужиков сделает .. Свежевать-то погоди малость.

Авдотья к Иван-Семенычу не пошла.

Выйдя на улицу, она села в сугроб и взвыла громче, чем утром, когда подох мерин.

Р. Волженин

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

Рис. Б. Малаховского.



В этом номере на первой странице сказано, будто беспризорные с какой-то церкви кумпол уперли... Уж не мой-ли Микешка? Только тогда и спокойна, когда его подлеца за руку держу.

ШАХ ДАМОЧКЕ

История эта очень трагическая.

Жил в нашем доме один человек. Фамилия у него была обыкновенная, мануфактурная фамилия—Бумазейкин, Петр. И лицо ничего не выражало,—так, Бумазейкин, и все тут!

Пил он здорово. За пиво даже со службы сократили. И жена очень огорчалась. Водила его по докторам, по знахаркам да гадалкам, в церквах свечи ставила, гипнотизмом лечила, за волосы трепала,—ничего не помогло.

Вот однажды, в один прекрасный день, на базаре неизвестная одна дамочка подала ей совет:

— Вы бы, гражданочка, его на шахматы навели. Мой вот тоже раньше без пива шагу, бывало, не ступит, а нынче для него выше этого, извините за выражение, Капабланки—удовольствия, нет! Целый день сидит и на доску глаза пучит, сам с собой дурак играет. И о пивище забыл!

Вняла мадам Бумазейкина этому совету дамочки и стала своего на Ласкера натаскивать.

Сперва он слушал с небрежностью и с презрением на устах и ровно ничего не понимал. Даже так рассуждал в своем крайнем невежестве, что Ласкер это—шахматная фигура в роде ферязи, или коня...

Но постепенно захлестнуло и его.

Слышит вокруг все—Ласкер да Ласкер, Капабланка да Капабланка, ну и зашевелился внутри его какой-то червячек...

Захлестнуло человека!

Все постиг и сам заиграл. Через месяц выиграл у нашего управдома партию, и закружилась от славы у него голова. Не спит, не ест—все играет... И про пиво забыл...

Жена, конечно, рада.

Повесила у себя в спальне, рядом с Николаем - чудотворцем портрет Ласкера и каждый вечер на него молится:

— Спасибо вам, гражданин Ласкер, пущай вашим деточкам так же хорошо будет, как мне теперь!

Кончилось тем, что приняли опять Бумазейкина на службу.

Вот тут-то и начинается трагедия.

Играет Бумазейкин в шахматы, не пьет,—все играет, даже с тела опал, и в глазах мысль появилась. Все чай пьют, или в преферанс играют, или в кино идут, а он сидит, ногти кусает и думает:

— Будет с этого ферезевый гомбит, или не будет?

Ударился человек в крайность.

Дальше—больше. Доходит дело до того, что мало времени ему дома играть,—на службе играет. Ну, начальству сперва неудобно было ему замечания делать.

— Может, человек в Капабланки выходит?!

Однако, с течением времени, поставили ему это на вид: Капабланка-Капабланкой, а в бухгалтерии первое дело точность.

Но, как говорится, горбатого только могила исправит.

Ошибся раз в ведомости и выписал такой итог:

— „С g 5—h 4".

Его и сократили.

Дома ему от жены житья не стало. Ругает его Ласкером и вон гонит. А ему—хоть бы что: играет свои гамбиты и лоб нахально морщит.

Жена доску сожгла, фигурки ребятишкам во дворе раздарила. Ждет—что будет?

Ничего! До какого паденья человек дошел: в уме играет!

Наморщит лоб, волосы взъерошит и бормочет:

— „Конем на f 4!.. Шах даме!.."

А однажды пошел и заявление подал о перемене имени:

— Желаю отныне называться Капабланка Ласкерович Гамбитов!

Плакала, плакала мадам Бумазейкина и пошла на рынок ту неизвестную дамочку искать. Нашла. Дамочка и сознается:

— Мой, говорит, вовсе на своих шахматах помешался, так я его опять на пиво перевела. Пущай лучше пивище хлещет, по крайности страшных слов не говорит! Валяйте и вы по моему, а то вовсе вам шах, дамочка, будет!

Ударила себя мадам Бумазейкина по лбу и ахнула—простой совет, а самой и в голову не пришел! Побежала немедленно в пивную, принесла пол-дюжины и поставила перед своим Ласкером:

— Пей, ирод!

Не пьет!

Кротко улыбается и бормочет:

— Ежели так, то прямо жертвой коня можно противника разнести! Раз! Шах даме!

Жена ему по морде.

— Пей!

А он в уме ферязь передвигает:

— Опять шах даме!

А пол-дюжины дворнику отдал.

Теперь у Бехтерева внушением лечится. Только—без толку.

Разве гипнотизм поможет, ежели пиво не помогло?..

Э. Гард

ПРОФ-ЯЗЫК

— Доктор! Что с вами? Чего вы волнуетесь?

— У меня сейчас карман ампутировали!

ЛИКВИДАЦИЯ ГРАМОТНОСТИ

Был тихий осенний вечер. Над полями подымался пар. Вдали кричала иволга.

В этот грустный, печальный вечер шли мужики на собрание. Районный исполком поставил доклад о многополье, а, кроме того, многие подали заявления о снижении налога. Так что интересовались насчет ответа.

Много шло мужиков. И из „Дергачей", что за три версты, и из „Гнилых Ножек", что за десять. И бабы вместе ковыляли, по случаю праздника престольного.

Собрание немного задержалось. Так, часа на два. Мужики переминались с ноги на-ногу и густо потели.

Наконец, вышел председатель РИК'а. А может, и член. Корявый такой, взлохмаченный. С ним и прочее начальство. Человек пять.

Собрание оживилось. Все стащили шапки с голов.

— Граждане! — заорал председатель. — О многополье доклада читать не будем, так что агронома не видать. А разберемся-ка в вопросах, которые поближе!

Неожиданно, по знаку председателя, волостная милиция окружила собравшихся плотным кольцом.

— Так-то вернее будет! — заорал председатель радостно. — А ну-ка, признавайтесь теперь, кто научил вас писать заявления насчет налога? Кто писал жалобы на райисполком? Кто писал в газеты? А? Подавай-ка сюда этих грамотеев проклятых!

— Не знаем, гражданин начальник!, — закричали отчаянно мужики. Многие бабы от испуга заплакали.

— Не знаете? — разорялся председатель. — А пашквили разные в газетах про исполком писать знаете? А насчет налога писать знаете? Подходи, немедля сюда, все грамотные! Пишите, а я руки сличать буду!

В руках председателя болталось несколько бумажек.

— Пиши! — заорал председатель. — „Повторение — мать учения"...

Мужики, мусоля огрызки химических карандашей, писали сосредоточенно. Тяжелое дыхание подымалось над толпой.

— Пора! Кончай! — гремел председательский бас. — Милиция, отымай записки!

Милиционеры обошли собрание. Многие дописали только до „матери"...

— Ничего, бери, как есть!

Экспертная комиссия, собрав записочки, скрылась в дверях. Толпа, окруженная стражей, трепетно ждала.

Наконец, через час вышли.

— Вот этого забирай! — приказывал председатель начальнику милиции. — У него „ре" подходящее! И этого! У него „мы", как в пашквиле про меня написано! И этого! хоть он и неграмотный, да зато брат ему, и двор у них общий! И этого! Ихний свояк он! Я вам покажу, грамотеям!

Милиция, ретиво отобрав грамотных и родственников, погнала их в каталажку.

Толпа, тяжело вздыхая, стала расходиться. Вдали кричала иволга. Был тихий осенний вечер.

И над полями подымался пар.

— Ну и литераторы нынче пошли! — скажет читатель, прочтя сие — такое выдумают, что и.....

Дорогой читатель! Произошло все это в дер. Шитаево, Сивинского района, Пермского округа, 10 октября 1925 г., вечером.

А фельетон написан на основании письма крестьянина Л. Магдалинова, напечатанного в „Крестьянской Газете" № 106.

Ал. Нератов

Рис. Л. Бродаты.

ЛИЦОМ К СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ



Что вы, гражданка, с ума сошли? Молоко водой разбавляете?

ВСЕ В ПРОШЛОМ

Рис. В. Лебедева



— Ччорт! И снег то нынче какой-то грязный... рыхлый...
— Да уж! Пыжатся-пыжатся все, а ни в чем довоенного качества достичь не могут!

МУДРЕНОЕ ДЕЛО

Деревня. У избы председателя сельсовета—небольшой, с разбитыми во время вчерашней попойки и наспех заклеенными распоряжениями „центра“ стеклами—толпятся крестьяне. Паренек в сбитой на затылок фуражке, с засученными по самые плечи рукавами и в брюках галифе—повидимому, секретарь сельсовета из местных комсомольцев—читает прибитую к председателевой избе бумажку.

— Сидоров, Лямзин, Авдеев, Стукалов! — повышая голос, выкрикивает он:—Обрезкин, Федюшкин, Ковалев, Егоров!

— Вот народу-то—вздыхает баба—и неужто, у них последнюю коровенку продадут? За налог, что ли?

— Коровенку! Попала в небо пальцем! Не коровенку, а председателя выбираем!

— И не выбираем, а об'ждаем кандидатов—поправил комсомолец:—чтобы был подходящий на ответственном посту...

— Мудреное это дело—заметил старик: кабы двоих-троих вывесили, сразу бы сообразили кого выбирать—а тут целый десяток...

— Попадешь на прохвоста—вот весь год и майся,—баба.

— То ли дело, бывало—кто первый в списке того и выбирай—вспомнил пожилой чернобородый крестьянин:—приедем в волость, а он там уж сидит. Кто против? известно, никого!

— Ну, и попадали всякие мерзавцы, мало ли их под судом?

— А из десятка-то, глядишь, хоть один хороший окажется...

— А вы, граждане, нечего галдеть—сердито прикрикнул председатель:—приказано обсуждать, а вы тут контру разводите. Поименно будем. Кто первый-то?

— Сидоров—ответил секретарь.—Кто против?

Крестьяне смутились:

— Нешто мы против? Сидоров так Сидоров—нам-то что!

— Кто против!—передразнил чернобородый:—обсудить надо! Что он за человек...

— Да известно, какой он человек—откликнулся женский голос:—пьяница!

— Это гашинский Сидоров? Пронька? Пьяница, даром что партейный!

— Не надо!

— Лямзин второй кандидат. Этот непьющий.

— Давай Лямзина! Правильно, не пьет.

— Это который Лямзин? Трофим?—вмешался старик:—это что в Стрешневе председателем был? Взяточник!

— Взяточников нам не надо! Кто следующий? Авдеев?

— Какой такой Авдеев? Не помню что-то...

— Ну, как не помнишь! Три года в Кожухове в кооперации сидел. Не знаешь?

— А тот самый, у кого—в прошлом—пятисот рублей не досчитались! Он!

— На что ж нам такой? Следующего!

— Стуколов! Обрезкин!

— Картежники,—донеслось с задних рядов.

— Федюшкин! Егоров! Вот Егорова можно—не пьет, взяток не берет...

— Рохля,—заявил председатель—двух слов связать не может. Вышел как-то на собрании, мычит, а ничего не разберешь.

— На что нам рохля? Кто там еще?

— Ковалев! Хороший мужик, ни в чем не попался...

— Хозяйственный мужик, грамотный... И разговор-то у него не как у других, нет того, чтобы матерное слово сказать...

Все призадумались.

— Вот его и наметим—нечего бобы разводить,— заявил чернобородый.

— В самый бы раз,—начал старик,—и осекся.—Только вот что...

— Чего?

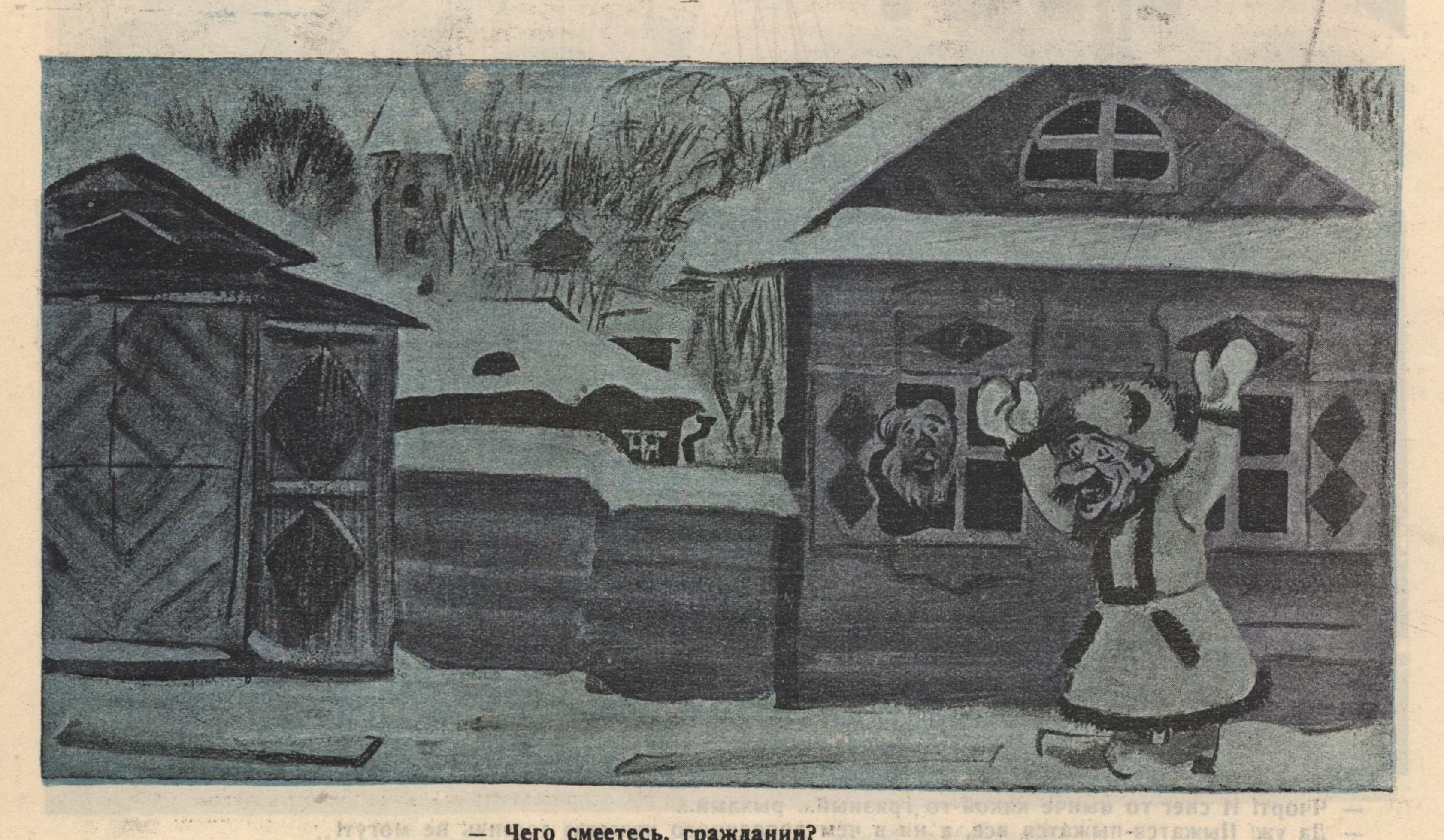
— А то, что не знаем мы, что из этого Ковалева выйдет... Те-то все у нас на виду: ну—пьяница, ну—растратчик, ну—взяточник. А этот ни в тех, ни в сех... И должностей никаких не сполнял...

— Верно. Коли он должностей не сполнял, где ж ты его раскусишь? Ты его выбери—а он притеснитель...

И СМЕХ, И ГРЕХ...

В Уральском округе в уездных городах милиционеры ходят в лаптях. Одна штанина—зеленая, другая—красная, и т. д.
(„Пролетарская Мысль“)

Рис. Н. Радлова



— Чего смеетесь, гражданин?
— А только-что милиционер прошел!

РУССКОЕ ГОРЬКОЕ

Рис. А. Успенского



— Ик! Одна надежда, что очередь и до меня дойдет, потому как мне до ей никак не дойти...

— А я бы, уж если выбирать—заявил один из крестьян—выбрал бы Авдеева. Голова. А что там пятьсот рублей растрагил — с кем этого не бывало. А ваш Ковалев, того и гляди, тысячи три махнет... Темное дело...

— Еще бы не темное — согласился другой. Летось нашего Трифонова-то выбирали—тихий сидит и скромный—а ведь вот что вышло: драчун. Как что— в кулаки.

— Разве душу-то ихнюю увидишь?

— Все-таки растратчиков выбирать не след—сказал чернобородый.—Уж лучше пьяницу выбрать.

— Пьяница не в пример лучше. Проспался — и опять человек... Да и кто у нас не пьет?

Все посмотрели на председателя.

— Кто ж не пьет— все пьют,—согласился председатель.

— То-то ж и дело, что все, да как пить. А этот Сидоров в прошлом году упал в колодец, да оттуда кричит: спасайте. Вот до чего допился.

— Так мы Лямзина выберем—непьющего... Ежели взяточник—вина не его: сами небось даем, набиваемся.

— Принесут—как не взять—обрадовался председатель: еще обидишь ни за что, ни про что...

— По нашим местам без этого нельзя. Давай Лямзина.

— А может, Егорова выберем—рохля, а по нашим местам...

— Так вы кого же, граждане, намечаете?—засуетился комсомолец:—то никого не надо, то все хороши... Остановиться на ком нибудь надо.

— Чего ж останавливаться—нам все едино.

— Не разберешь тут. Мудреное дело.

— Да чего там мудреного — возразил старик—приедет, как раньше, начальство, скажет: выбирай такого-то—ну, и выберем...

— Вестимо, начальству лучше знать, кто по теперешней линии подходящий...

— А вы-то кого хотите?—не унимался комсомолец: — требуется, чтобы сами наметили...

— Да нам-то что—ответил чернобородый, отходя в сторону:—кто по списку первый, того и выбирать.

— Сидоров первый.

— Вот и выбирайте Сидорова.

— Да ведь пьяница он—всполошилась баба.

— А тебе что? Может, нынче линия такая—пьяниц выбирать.

— Политика — мы тут судим-рядим, а там решено, чтобы на все места и потомственные пьяницы...

— Тверезого-то где найдешь? — согласился председатель—а этот, к тому, и партийный. Ну, решили, что ли, Сидорова?

— Пиши.

Граждане постепенно расходятся. Дольше всех не уходит старик. Он топчется на месте, хочет что-то сказать и не решается.

— Ты чего?—спрашивает его председатель.

— Как так чего? Кого же это мы, значит, выбрали.

— Сам знаешь, кого—Сидорова. Первый кричал!

— Пьяницу выбрали. Ну, и дела...

Мих. Козырев

В БЮРО ОТВЕТСТВЕННОГО ТРУДА

— Вы ищете кассира? Ведь мы вам дали его на прошлой неделе!

— Вот именно, его-то мы и ищем!

СЕЗОННОЕ ЗНАКОМСТВО

— У вас большой круг знакомых среди мануфактурщиков?

— Большой, но замкнутый!

В УГРОЗЫСКЕ

— Ну, приготовьтесь: сейчас вас снимать будем.

— А нельзя ли, товарищ, полдюжинки кабинетных еще сделать: на волю послать?

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

КОПИЯ С КОПИИ

Удостоверение личности № 384812/3/71.

Выдано Управлением 3-го отделения Ленинградской Городской Милиции на основании представленных документов

Фамилия . . . .
Имя . . . .
Отчество . . . .
Место рождения . . . .
Время рождения . . . .
Место постоянного жительства . . .
Основная профессия . . . .
Образование . . . .
Отношение к воинской повинности .
Семейное положение: *девица (со слов!)*
Подписи, место печати.
Октября 3-го дня.

А всё-таки, доверчивая милиция в Ленинграде: ***поверила девушке на слово и протокола осмотра не составила.***

И чего Нач. Губ. Милиции смотрит?

СТАЛИНГРАДСКИЙ СТИЛЬ

Бойко пишут сталинградцы в своей газете „Борьба“:

ФОТОГРАФ

Лапшин Сергей Павлович

Довожу до сведения граждан Сталинграда и его окрестностей, *что мною получены фото-материалы лучших заграничных фирм а также вновь отремонтированный фото-павильон.* Тепло отапливающийся и *вмещающий до 50 человек.*

Принимаю всевозможные фото-работы, как-то: *групп съездов, конференций и прочие, семейные и детские снимки.*

Какой ловкий человек: получил, очевидно, почтовой посылкой вместе с материалами вновь отремонтированный ***павильон, вмещающий 50 человек.*** А другому неудачнику вышлет тетка по почте пару держаных брюк—и те по дороге стащат!

СТИШЬ ДА ГЛАДЬ...

Непереименованная в километры „372 верста“ строчит в „Орловской Правде“:

На ст. *Стишь* М.-К. ж. д. произошла следующая сцена.

ПДР 136 раб. отд 43 околотка Новиков, напившись вдребезги пьяным, категорически заявил рабочим «*Вот, мол, ребята, я сегодня в дрезину пьяный—бросай работать и баста!* Никаких разговоров, бросай и кончал базар!»

Но рабочие не бросили работу, а чтобы ПДР не бушевал, *они мочалой привязали его к телеграфному столбу.*

372 верста

„Был столб, а на столбе—мочала, не начать ли сказки сначала?“

Нет, уж лучше, не надо: столб сократить, а мочалу с ПДР 136 раб. отд. выбросить.

БЕСПОКОЙНЫЕ СОСЕДИ

(Святки по самому старому стилю)

Рис. А. Радакова



— Вы звали милиционера?

— Именно, товарищ, мы. Уймите, ради бога, публику в соседней квартире бренчат на гитаре, гостям спать препятствуют.

ПОП „ПРАВДУ“ ВИДИТ...

Пишет „Сов. Сибирь“

Только на днях в одном из районов Тулуновского уезда (Ирк. губ.) *„обнаружен“ такой районный избач, который 6 месяцев не читал ни одной газеты. Зато поп в том же селе усердно читает крестьянам „Правду“.* Придется, видимо, признать работу попа удовлетворительной, а избача?...

Кажется, что и говорить. Избач не читал ни одной газеты. Очевидно, он не читал и „Смехач“! (На месяц 60 коп., на 3 месяца 1 руб. 70 коп., на 6 месяцев 3 руб. 20 коп. и 12 месяцев 6 руб.)

Какой ужас!!!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ НОМЕР

Перед нами две газетные заметки, посвященные Народному Артисту композитору А. К. Глазунову.

Первая:

В 20 числах декабря исполняется 20-летие со дня избрания проф. А. К. Глазунова на должность ректора Ленинградской консерватории.

В течении последних 20 лет А. К. беспрерывно выбирается в ректора Консерватории. Сейчас он является единственным ректором в СССР, пробывшим на своем посту бессменно столь долгое время.

Вторая:

Среди нескольких десятков дел о выселении в Нарсуде слушается дело о взыскании кварплаты с А. К. Глазунова.

Председательствующий задает вопросы.

— Ваше имя и фамилия?

— Глазунов, Александр Константинович.

— Чем занимаетесь?

— Музыкой.

— Почему не платите за квартиру?

Как всегда спокойный и скромный, А. К. Глазунов дает объяснение.

Он со дня рождения живет в квартире в доме № 8 по ул. Плеханова. Когда дом поступил в ведение жилтоварищества, состоящая из 12 комнат его квартира была оценена в 105 руб. в месяц. Таких денег композитор платить не мог. Когда об этом узнали в Москве, то оттуда было А. К. Глазунову сообщено, что квартира, как имеющ я значение народного музея, будет оплачиваться за счет государства.

Губоно, вносившее долгое время квартирную плату, около 6 месяцев тому назад прекратило платить деньги. Результатом этого и явился иск о выселении А. К. Глазунова.

— Что же, выселяйте,—сказал А. К. Глазунов,—у меня денег нет.

Народный суд, учитывая, что на-лицо явное недоразумение, постановил дело отложить, предложив А. К. Глазунову снестись по этому поводу с Москвой.

Для суда-то ясно. А может быть, Губоно рассуждает иначе:

— Артист Народный? Народный. А суд Народный? Народный. Стало быть, по Сеньке и шапка.

ФРАНЦУЗСКИЕ БУЛКИ

В Иваново-Вознесенске случай приключился. В „Рабочем Крае“ чье-то бойкое перо выводит:

Если отец, ожидая рождения сына, случайно получает дочь, то понятно его огорчение, но каково же должно быть *состояние завскладом ГИВМ, который получил со станции Иваново вместо двух ящиков чугунных планок, красивые поджаренные французские булки.*

Понятно—это дело хорошее! Зав. складом тов. Верховский, может поесть эти булки, но как же будет грызть жезезные планки тот, кто ожидал получить французские булки?

Булки вместо планок? Это новость. А вот *планки (чугунные, медные и прочие) в булках* —дело обычное. Любой пекарь запекает.

И гвозди запекает. И многое прочее.

Мы привыкшие.

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ

Рис. Н. Радлова

Рожениц приходится вести в Актюбинск за 80 и более верст. (Крест. газета).

— Ты, бабонька, не бойсь. Которую вожу! Раньше тридцатой версты никто не рожает!

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Никогда прежде я не встречал изобретателей, если не считать самого себя. Да и сам-то, по совести сказать, не бог весть какой изобретатель—ерунда и пустяки. Изобрел средство от кражи денег в трамвае, а именно: не иметь в кармане больше семи копеек на проезд в один конец (обратно пешком или зайцем). Тут, как видите, хвастаться нечем.

А вот недавно довелось мне встретить настоящего изобретателя, и даже больше—гениального двигателя прогресса.

С виду—самый обыкновенный человек, по фамилии—Брыкалов.

Появился он однажды в техническом отделе, прошел прямо в кабинет зава, опустевший по случаю переезда зава в дом предварительного заключения, и сразу весь отдел зашевелился:

— Новое начальство прибыло!

Ну, побегали-поволновались — надо-ж принюхаться к новой метле. А потом, через пару дней, видят—ничего особенного. Такой же, как и предыдущий. Только тот с мыловаренного завода прибыл, а этот—из комиссии по улучшению шоссейных дорог. А бумажки подписывает одинаково и в деле техническом смыслит одинаково.

В одном все-таки была разница, бросавшаяся в глаза. Тот, бывало, сидит в кабинете—его и не видно.

А этому—скучно, что-ли, было на одном месте сидеть, но только всё ходит по комнатам, от стола к столу. Подойдет, сядет на краешек стола,—чернильницу или карандашик возьмет, повертит и обратно вернет. И дальше пошел. Очень простой и невредный человек.

И вдруг проявилась в нем эта изобретательская способность, исключительно, как все говорят,—по той причине, что он не сидел на одном месте, в кабинете. А сидел-бы, так ничего бы и не вышло. Под сидячий камень и вода не течет.

Однажды, блуждая вот таким манером по помещению, остановился Брыкалов у двери. А надо сказать, что дверь, действительно, оригинальная: в узорах и с матовыми стеклами. Есть, на что поглядеть при удобном случае, если не торопишься.

А в ту пору дверь вдруг открылась, пропуская неизвестную личность.

— Вам чего?—спрашивает Брыкалов. А личность в ответ:

— Репортер из „Вечернего Набата". Хотел бы получить сведения для газеты..

— Сведения? Для газеты? Насчет чего именно?

— Вообще, что нибудь такое из достижений и перспектив техники. Мы же должны давать нашему читателю все самое новое.

— Из достижений? Это можно—из достижений. Я в-аккурат могу информировать целиком и полностью. Вали за мной, в кабинет.

После чего оба направились в кабинет, провожаемые взглядами служащих. Только никто не придал этому моменту надлежащего значения.

А на другой день, когда инженер Чикин, помешивая ложечкой чай, развернул вечернюю газету, он с таким шумом вскочил и уронил ложку, что все вокруг подняли головы—в чем дело?

— Смотрите, товарищи, что тут о нас написано!—вскричал инженер Чикин, человек спокойный и меланхоличный (сто рублей жалования, не считая вычетов). И все бросились смотреть.

На второй странице красовалась следующая заметка:

„НОВАЯ ПОБЕДА ТЕХОТДЕЛА! СТАЛЬНОЙ КОНЬ".

Инженерами техотдела сконструирован механический стальной конь, ожидаемый великим будущим. По внешнему виду этот конь напоминает обыкновенных коней. У него так же четыре ноги из крепкой стали, приводимые в движение электрической энергией из

аккумуляторов, помещенных в задней части, от которой идет сеть проводов, собранных пучком, на подобие хвоста. О таком механическом животном фантазировал еще Жюль Верн, или кто нибудь другой.

Наличие таких коней, которые будут выделываться трестом по доступной цене (полный набор с аккумуляторами—от ста рублей до тысячи) позволит пополнить наш недостаток в лошадях для деревни, при чем механический конь, по сравнению с тракторами будет более портативен. А наличие четырех ног позволит ему легко преодолевать такие препятствия, как наши грунтовые дороги.

Инженер Чикин дочитал заметку, и все сначала оцепенели, а потом не знали, что делать—смеяться или плакать.

Настроение было подавленное, точно их подмял этот стальной конь.

— Каково?!—разводил руками Чикин:—Что это? Откуда конь? Кто его сконструировал? Какие такие четыре ноги?!

А тут как-раз вышел из кабинета Брыкалов, с газеткой в руке.

— Читали?—победоносно спрашивает:—Ага? То-то. Вот уже и о нашей работе информация!

— Но, однако же...—запыхтел Чикин:—тут чорт знает, что выдумано

Брыкалов хитро сощурил глаза.

— А что-ж вам на одном месте топтаться? Надо технику двигать,—работать, изобретать надо.

— Но... конь?

— Коня я для достижений пустил. Конь у меня, правда, не совсем еще оформлен, но это уже ваше дело—дело спецов. А идейка ловкая и оригинальная.

— Позвольте, но такая информация нас обязывает!—растерянно говорил Чикин:—нельзя же швыряться на ветер, тем более, конями!..

— А я же и говорю—просто заключил Брыкалов:—что написано пером, того не вырубишь топором. Придется вам над конем попотеть в ударном порядке, чтобы возможно скорее провести его в жизнь.

И очень довольный понес газету в кабинет.

На следующий день Чикин глаз не сводил с двери и, как только юркнул репортер, он поймал его за рукав.

— Стойте, чорт вас дери!—заорал Чикин, человек спокойный и меланхоличный:—Куда?

— А к товарищу Брыкалову.

— Погодите. Что вы там за ерунду написали вчера насчет коня?

— Хорошая ерунда!—крякнул самодовольно репортер:— желал бы, чтобы вы были репортером и чтобы каждый день приносили такую ерунду! С такой ерунды у нас тираж скачет вверх. Извините, я тороплюсь.

— Нельзя!!!

Но репортер ловко высвободился из рук Чикина, и все пропало.

Очередной номер сообщил читателям (а в их числе и прищедшему в смятение тресту) о новом завоевании:

„МАССОВАЯ ВЫДЕЛКА ДОВОЕННЫХ УРОВНЕЙ"

„В техотделе приступлено к массовой выделке столь необходимых в наше время довоенных уровней, недостаток коих давно ощущается в нашем производстве"... и т. д.

Проснувшаяся в Брыкалове жилка изобретателя обещала, повидимому, превратиться в неиссякаемую богатую жилу, источник новых и новых гениальных открытий. Но тут вмешались „независящие обстоятельства":

Брыкалов исчез, и на его месте появился другой.

Этот сидит в кабинете и не изобретает.

Иван Прутков

ЧЕРНИЛЬНИЦА

„Попили моей кровушки, будя!“
Довольно писать о людях,
О хамствах, растратах и кислых щах—
Хочу писать о вещах!!!

Чернильница гранитного стекла,
С отбитой крышкою—на канцелярском месте.
Старуха двух царей, поди, пережила,
Две революции—а ныне служит в тресте.
Факт!
Сажусь за стол, гляжу и прихожу в контакт.

Она—не здесь, она—в другой квартире,
А перед ней—любовник и герой—
Небритый „стрекулист“ в зеленом вицмундире,
Коллежский секретарь, взрастивший геморрой.
Чернильница считает запятые,
Слеза чернильная прошибла до нутра:
Эх, зря уходят годы молодые,
Бегут под скрип чиновного пера!..

За залпом-залп. И пулемет-задира
Шесть пуль в „дела“ всадил одним плевком.
Октябрь... Семнадцатый... Не стало вицмундира,
На стол к чернильнице залез Ревком.
Где крышки? Где подставки? Где чернила?
Вода с золой—наследье нищеты,
Но лихорадочно приказами кормила
По всей стране горящие фронты.

И в НЭП вплыла, и в канцелярском море
На тихом поселилась островке,
И честный деловод, с унынием во взоре,
Ее прибрал к испытанной руке...
Не лезьте с перьями, она тоской убита:
Хозяин деловод—жестокий командир,
А перед ней—разбитое корыто:
Смещенья, отпуска, талоны, волокита
И в сером пиджачке—советский „вицмундир“!

Александр Флит.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Острые, необычайно острые глаза у Ленинградского рецензента *„Вечерней Красной Газеты“*, Б. Мазинга. Пошел человек на пьесу в быв. Александринский театр и увидел:

> Нарочито успокаивающий жест, *изредка дрогнувшие ресницы*, скорбная нотка в голосе—предвещают в дальнейшем нескончаемые бессонные ночи, неизбывную тоску, внешнюю маску спокойствия на людях и горькие слезы наедине с самой собою.

Уж на что ресница вещь неприметная, особенно со сцены—однако, подметил человек эдакое-такое дрожанье и расчувствовался.

Много-ли душевному человеку надо, чтобы прослезиться?

Такой человек и „фибры души“ в натуральную величину увидит, и даже без очков.

*

Хорошо видят в Ленинграде, хорошо пишут в Минске. Например, в „Звезде“, по поводу игры скрипачки.

> И тут-же, рядом с ней, *мощными звуками заливала эту публику* скрипачка *Макстман*.

А публика, представьте, ничего: ее заливают, а она аплодирует.

Подписана рецензия сладкозвучным псевдонимом „Орфей“.

Гражданин Орфей! Может, вы хорошо поёте, но „заливаете“ рецензии скверно!

*

Просто и ясно переписывается со своими корреспондентами *„Красный Курган“*.

> *Селькору.* Непонятно — как продали дочь: выдали замуж, или *продали как лошадь—чего не допускаем.*

Не иначе, безлошадному человеку продали, и ничего тут странного нет. В деревне все допустить можно.

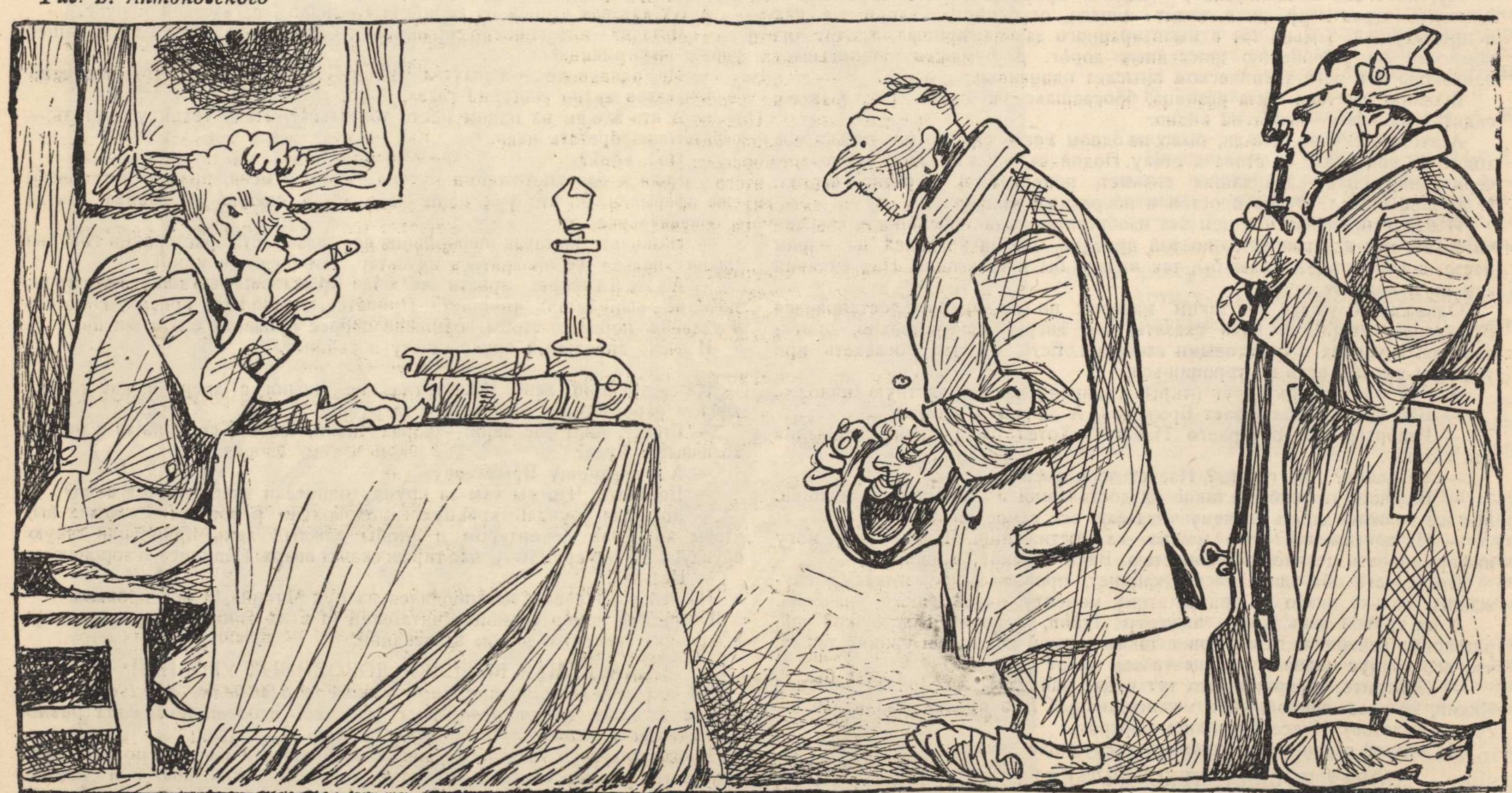
А „Красному Кургану“ совестно, не верит „Красный Курган“—дух от факта больно тяжелый!

КВАЛИФИКАЦИЯ

— Ваша профессия?
— Оптик! Фининспектору очки втираю!

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК

Рис. Б. Антоновского



— Подсудимый, вы осуждены на три года условно...
— А какие ваши условия-с?

ПРАКТИКА

(О том, что и кооперировать надо умеючи).

1.

Что дают нам геометрия,
Аристотель и Солон?
В школах нынешних поветрие
На практический уклон.
И сего для иллюстрации,
(Раз в принципе решено!!)
Обучать кооперации
Деток вздумало Моно.
— „Изменяем, то-есть, тактику!
Эй, малыш! Расправь свой лоб!
Книжки по-боку! На практику—
В близлежащий рабкооп!"

2.

Друг за дружкой лезут фактики.
Друг за дружкой мчатся дни.
Воротились детки с практики:
Спецы—как ни поверни!
Рады школьные новаторы:
— „Аристотель? Дьявол с ним!
Мы теперь, кооператоры,
Вам экзамен учиним.
Отчего в такой прострации
Рынки сбыта заграниц?
Для чего кооперации
Сеть торговых единиц?
Чем вредны лавчонки частные?
Где влиянью их черта?"
Но у деток—глазки красные
И ни слова изо-рта.

3.

Вдруг, под ропот негодующий
(Где-ж их опыт? Где-ж их пыл?)
— „Эх!"—сказал экзаменующий,—
„Папиросы я забыл!"
Тут под рев экзаменаторов:
—„Стойте! Дьяволы! Куда?!"
20 душ кооператоров
Вдруг исчезли без следа.
Но едва прошло мгновение,
Как—ответом на вопрос—
Принесли, являя рвение,
20 пачек папирос.

4.

Суть описанного фактика
Объяснить не мудрено:
Есть ведь практика и „практика",
Досточтимое Моно!
Помолчать-ли о скандальчике?
Скрыть-ли каверзный конец?
Вышли—лавочные мальчики
На островский образец!

А. д'Актиль

В СТОЛОВОЙ

— Товарищ нарпитработник! Дайте мне „картофель в прозодежде?"

— У нас такого блюда не имеется.

— Как?! А тот самый картофель, что до революции „в мундире" значился, разве еще не переименован?!

НА ДВОРЕ

— А мальченка Васька, прямо самородок!

— Еще бы! По делу об алиментах у него никакого отца и не нашлось.

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

Под действием алкоголя, у опьяневших растений пульсация принимает ненормальную порывистость, переходящую в беспорядочные, развинченные толчки. Одним словом—все признаки алкогольного опьянения, знакомые по человеку. (Из газет).

Рис. Н. Радлова



— Иван Сидорыч! Не поливай ты эту чайную розу коньяком: напьется и все горшки перебьет!

ПРЕСТИЖ

Из комсомольского клуба уездного городка Таратайска распоряжением УКОМ'а переводился на другую должность в уезд библиотекарь Кокин.

— Того... этого,—говорил завклубом.—Кого-же мы теперь на его место возьмем?

— Удоева,—предложил кто-то.—Он, ребята, на этих книгах может собаку съесть. Каталоги там эти, некрологи—все до точности вести может. Спит даже на книгах. Подушку проел на пирожных и подкладывает под голову книги.

— Удоева нельзя,—поморщился завклуб.—Он хилый, и опять-же того... этого .. в физкультуре ни уха ни рыла не смыслит ..

— Так то-же физкультура, а нам нужен библиотекарь!

— Библиотекарь, библиотекарь!.. Знаю, что не аптекарь. А когда придет команда лыжников из Нижне-Шелонской волости, кто их обгонять будет? Удоев? Да он и дохлой утки не обгонит.

— Но ..

— Чего там „но"... Кокин был библиотекарем? Был. На лыжах бегал? Бегал. То-то и оно. Если бы нам трех таких Кокиных, мы были бы непобедимы в мировом масштабе. А вы говорите Удо-оев ..

— Так ведь книги-же.

— Заладили тоже.. Книги, книги. Да кому они сейчас зимой книги к чорту нужны, когда у нас сейчас сезон физкультуры. Вот кого пригласить библиотекарем... Толстозадова... Это я понимаю. Три пуда одной рукой выжимает.

— Так ведь он-же почти неграмотный. За книгу его и силой не засадишь.

— Да уж, я думаю, что силой не засадишь... Зато он на лыжах быстрее каждого радио-зайца бегает.

— А библиотека?

— А предстоящие лыжные состязания? А престиж организации? Эх, вы! Тож-же активист.

Кандидатура Толстозадова была утверждена окончательно.

Престиж организации спасен.

К. Шелонский.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются

5. *Харьков, Редакции жу\рнала „Знание"*. Рецензия, фигурирующая в нашем отделе „Тараканы в тесте" („Смехач" № 36, 1925 г.), помещена в 36-м номере „Знания" за 24-й год.

Как видите, все в порядке: недоброкачественных тараканов не выпекаем-с!

6. *Ленинград, Марку Черному*. „Поправки допускаются" — лаконично разрешает Марк Черный.

Спасибо. Впрочем, рассказ редкорзиной принят „целиком и полностью",—без поправок.

7. *Там-же, Ф. Од—ву.*

„На праздниках, меж сотни разных дел.
Как первосортнейший осел,
Я к парикмахеру забрел
И... сел".

Ослу даже первого сорта А-3 не место в парикмахерской, а в журнале и подавно.

8. *Феодосия, А. Т—му*. В вашем рассказе „Мнимый пожар"—странная деталь: „пожарники влезли на крышу и стали *взрывать* ее".

Чем взрывали: порохом или динамитом?

Ваш рассказ мы взорвали, просто, руками.

9. *Ташкент, Соловьеву*. Присланное используем.

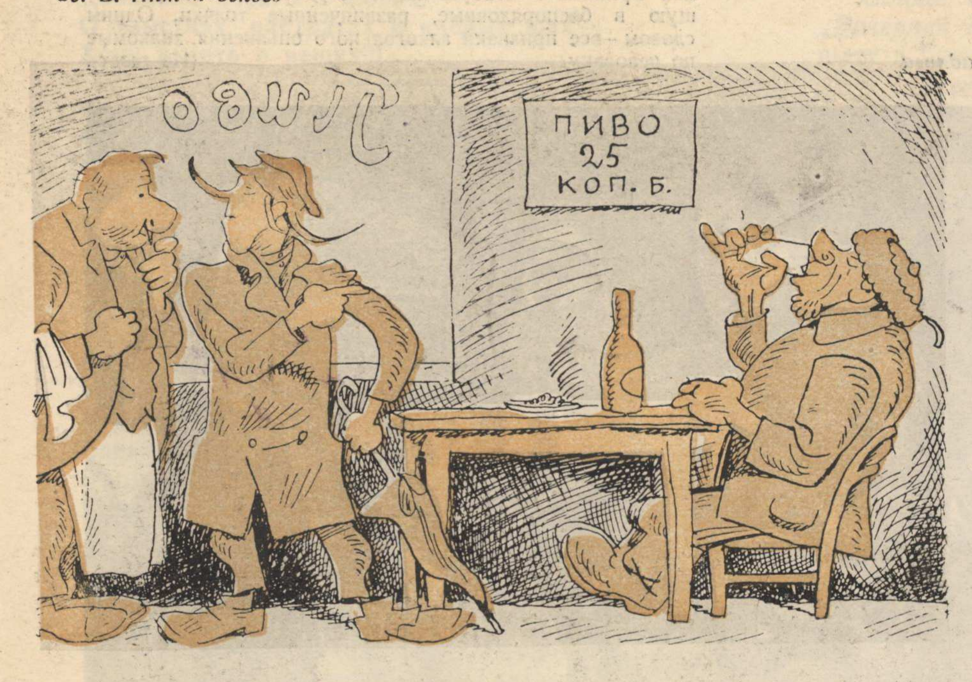
Ив. Пр.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит № 8200 Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—ГИПНОТИЗЕР

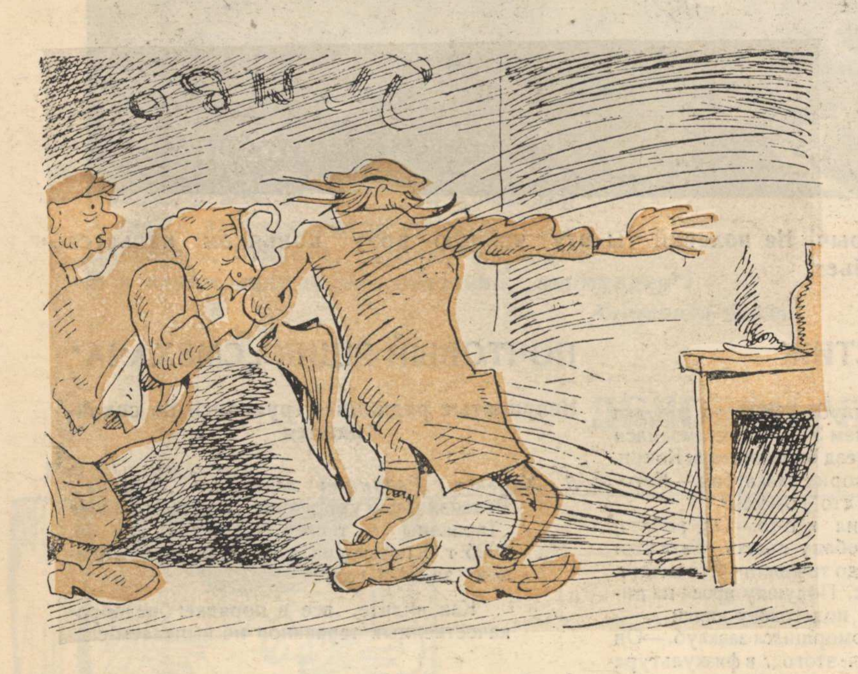
ис. Б. Антоновского *Текст А. д'Актиля*



1. Евлампий Надькин поднял нос:
— Слыхал, приятель, про гипноз?
Вот погляди эксперимент:
Я усыплю его в момент.



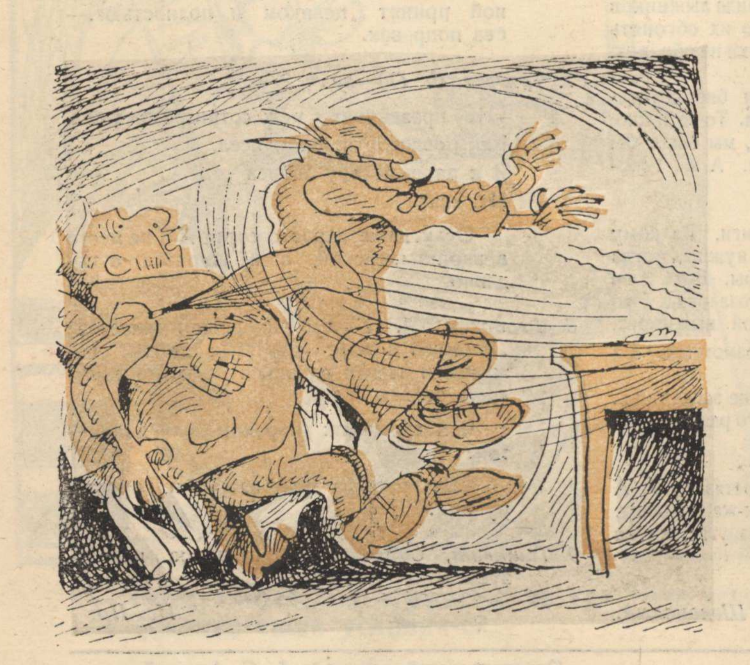
2. Спеша, бежит за часом час...
Неотвратим суровый глаз.



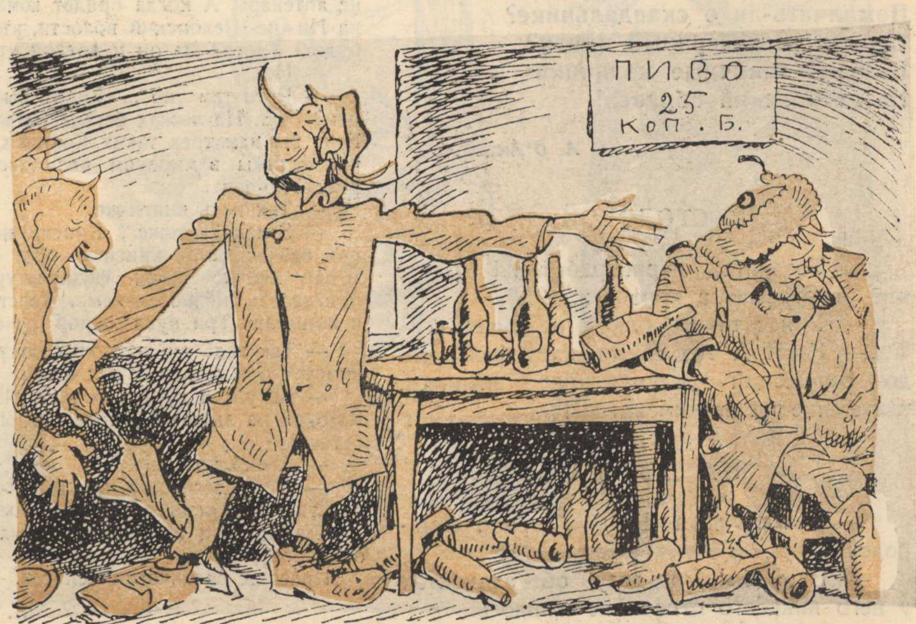
3. Душе, сорвавшейся с цепи,
Он говорит:—усни и спи!



4. Подъяты руки. Блещет взор.
Впадает в раж гипнотизер.



5. И шлет из глаз за нитью нить,
Чтоб волю воле подчинить.



6. Конец. Поднявши гордо нос:
— Вот,—молвит Надькин—вам гипноз.
Пока он пил, и пил, и пил -
Я прощалыгу усыпил.